

По делам службы. Рассказ А. Чехова. (Книжки Недели, январь, 1899).

Случай из практики. Рассказ А. Чехова. (Русская Мысль, декабрь, 1898).

Съ некоторыхъ поръ основнымъ мотивомъ произведеній Чехова сдѣлался унылый пессимизмъ имѣющій въ основѣ своей непримиримый разладъ между жизнію и требованіями отъ нея; этимъ настроеніемъ проникнуты всѣ рассказы его и въ томъ числѣ тѣ два, названія которыхъ помѣщены въ заголовкѣ настоящей замѣтки.

Сюжетъ перваго рассказа очень несложенъ. Судебный слѣдователь Лыжинъ и земскій врачъ Старченко пріѣзжаютъ въ село Сырню на вскрытіе тѣла земскаго страховаго агента Лѣсницкаго застрѣливагося въ земской избѣ три дня тому назадъ. Вечеръ они проводятъ тутъ же, на черной половинѣ того помѣщенія, въ чистой горницѣ котораго лежитъ покойникъ, а потомъ ѣдутъ ночевать къ сосѣднему помѣщику. У него они задерживаются вслѣдствіе метели всѣ слѣдующія сутки, послѣ чего возвращаются снова въ Сырню на слѣдствіе. Главную суть повѣствованія составляютъ мысли и впечатлѣнія судебного слѣдователя. Сидя въ запасной избѣ, онъ разговариваетъ съ сотскимъ Ильей Лошадинымъ, старикомъ, уже тридцать лѣтъ находящимся въ этой должности. И его поражаетъ разница между его собственнымъ міровоззрѣніемъ и нетерпѣливымъ отношеніемъ къ жизни и взглядомъ на нее этого старика безропотно несущаго свою тяжелую долю.

„Лыжинъ слушалъ и думалъ о томъ что вотъ онъ, Лыжинъ, уѣдетъ рано или поздно въ Москву, а этотъ старикъ останется здѣсь навсегда и будетъ все ходить и ходить, и сколько еще въ жизни придется встрѣчать такихъ истрепанныхъ, давно нечесанныхъ, не стоящихъ стариковъ у которыхъ въ душѣ какимъ-то образомъ крѣпко сжились пятиалтыничекъ, стаканчикъ и глубокая вѣра въ то что на этомъ свѣтѣ неправдою не проживешь... И Лыжинъ мысленно носился по московскимъ улицамъ, заходилъ въ знакомые дома, видался съ родными, товарищами, и сердце у него сладко сжималось при мысли что ему теперь двадцать шесть лѣтъ и что если онъ вырвется отсюда и попадетъ въ Москву черезъ пять или десять лѣтъ, то и тогда еще будетъ не поздно и останется еще впереди цѣлая жизнь.“

И при этомъ ему невольно навязывается сравненіе между своею легкою и радостною жизнію и существованіемъ тѣхъ кому достается на долю, какъ самоубійцѣ лежащему въ избѣ, и сотскому, одно тяжелое и горькое. Сопоставленія эти еще назойливѣе удручаютъ его послѣ вечера проведеннаго у помѣщика, въ веселомъ и пріятномъ обществѣ. „И онъ чувствовалъ что эти самоубійства и мужицкое горе лежатъ и на его совѣсти; мириться съ тѣмъ что эти люди, покорные своему жребію, взвалили

на себя самое тяжелое и темное въ жизни — какъ это ужасно!“ Но чувствуется что несмотря на сознаніе этого ужаса, тѣ кому легко живется рѣдко способны принять дѣятельныя мѣры для облегченія тѣхъ кому трудно приходится въ жизни, и что Лыжинъ — одинъ изъ многихъ ограничивающихся въ данномъ случаѣ платоническою жалостію къ ближнему. Въ томъ мастерствѣ, съ какимъ передано здѣсь ощущеніе мертвящей тоски владѣющей всѣмъ этимъ маленькимъ провинціальнымъ міркомъ, исчерпываются главнымъ образомъ достоинства этой небольшой бытовой картинки.

Тѣмъ же настроеніемъ, хотя съ отбѣнкомъ бѣльшаго оптимизма, проникнуть другой разказъ г. Чехова: „Случай изъ практики“ помѣщенный въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли*. Докторъ Королевъ ѣдетъ по просьбѣ богатой купчихи Лялиной лѣчить ея дочь, Лизу, страдающую сильнымъ нервнымъ расстройствомъ. Пріѣхавъ къ нимъ на фабрику въ деревню и познакомясь съ больною, онъ убѣждается что болѣзнь молодой дѣвушки происходитъ отъ мучительнаго сознанія той страшной тяготы которую составляетъ для нея, наслѣдницы миліоннаго состоянія, ея богатство. Мать тоже мучится глядя на дочь, но не понимаетъ ея и не знаетъ чѣмъ помочь ей. Такимъ образомъ во всемъ домѣ есть только одно довольное существо, пользующееся благами этого огромнаго состоянія и живущее дѣйствительно въ свое удовольствіе. Это — гувернантка Христина Дмитріевна. Она ѣстъ хорошіе обѣды, пьетъ дорогія вина, пользуется прекраснымъ помѣщеніемъ и не задумывается надъ тѣмъ каково живется окружающимъ. А между тѣмъ приходится здѣсь всѣмъ тяжело. Хозяйкамъ фабрики — вслѣдствіе нравственнаго гнета, а рабочимъ — вслѣдствіе работы безъ отдыха въ нездоровой обстановкѣ.

Эти наблюденія сдѣланныя докторомъ за время его посѣщенія фабрики приводятъ его къ разсужденіемъ, очень близко подходящимъ къ тѣмъ которыя занимали героя только-что приведеннаго выше разказа. Королевъ думалъ:

„Хорошо чувствуетъ себя здѣсь только одна гувернантка и фабрика работаетъ для ея удовольствія. Но это такъ кажется, она здѣсь только подставное лицо. Главный же для кого здѣсь все дѣлается, это — дьяволъ. И онъ думалъ о дьяволѣ въ котораго не вѣрилъ и оглядываясь на два окна въ которыхъ свѣтился огонь. Ему казалось что этими багровыми глазами смотрѣлъ на него самъ дьяволъ, та невѣдомая сила которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку которую теперь ничѣмъ не исправишь. Нужно чтобы сильный мѣшалъ жить слабому — таковъ законъ природы. Но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или въ учебникѣ; въ той же книгѣ какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ

всѣхъ мелочей изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда и сильный и слабый одинаково падаютъ жертвою своихъ взаимныхъ отношеній невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку“.

Изъ разговора съ Лизою онъ убѣждается что и ее удручаетъ то же сознаніе несправедливости въ распредѣленіи человѣческихъ жребіевъ. Но въ томъ что она сомнѣвается въ своемъ правѣ на привилегированную долю онъ видѣлъ уже залогъ лучшаго будущаго и высказываетъ это ей:

„Вы въ положеніи владѣлицы фабрики и богатой наслѣдницы недовольны, не вѣрите въ свое право и теперь вотъ не спите; это, конечно, лучше, чѣмъ если бы вы были довольны, крѣпко спали и думали что все обстоитъ благополучно. У васъ почтенная бессонница; какъ бы то ни было, она хорошій признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, у родителей нашихъ былъ бы немислимъ такой разговоръ какъ вотъ у насъ теперь... А для нашихъ дѣтей или внуковъ вопросъ этотъ—правы они или нѣтъ—будетъ уже рѣшенъ. Имъ будетъ виднѣе чѣмъ намъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ“...

Эти разсужденія облегчаютъ молодой дѣвушкѣ мучившіе раньше укоры совѣсти, а докторъ самъ настолько утѣшенъ ими что уѣзжаетъ съ фабрики въ самое радостное настроеніе.

Такъ же какъ „По дѣламъ службы“ этотъ разказъ въ художественномъ отношеніи удовлетворяетъ читателя безусловно. Въ описательной сторонѣ талантъ г. Чехова сказанъ здѣсь въ полной силѣ. Едва ли такое же чувство удовлетворенія могутъ доставить читателю философскія разсужденія составляющія общую руководящую нить для обоихъ разказовъ. Теорія что въ жизни больше дурнаго нежели хорошаго не представляетъ сама по себѣ никакого открытія. На томъ основаніи что „міръ во злѣ лежитъ“ старались уйти отъ его соблазновъ еще въ древнія времена первые христіанскіе аскеты. Но далѣе, въ опредѣленіи причины этого зла, Чеховъ расходится съ самимъ собою. Онъ признаетъ что люди, и сильный и слабый, „покоряются здѣсь какой-то направляющей силѣ неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку“. Эту силу онъ тутъ же, несмотря на то что признаетъ ее неизвѣстною, называетъ по имени, говоря что это дьяволъ. Слѣдовательно, людьми и жизнью, по его мнѣнію, правитъ дьяволъ. Но въ такомъ случаѣ какимъ же образомъ доходитъ Королевъ, устами котораго говоритъ здѣсь самъ авторъ, до утвержденія что зло это будетъ искоренено людьми, представленными здѣсь смѣлыми орудіями дьявола, и притомъ еще искоренено въ опредѣленный, пятидесятилѣтній срокъ! А въ разказѣ „По дѣламъ

службы“ появившемся одновременно съ этимъ и основанномъ на одинаковомъ съ нимъ міровоззрѣніи заявляется что этому злу суждено продолжаться до безконечности и предѣла ему не будетъ. Какъ объяснить такое странное противорѣчіе съ самимъ собою? Едва ли будетъ ошибочно предположить что авторъ, переживая острый періодъ міровой скорби, неизбежной для всякаго кому дано заглянуть въ глубь жизни, самъ ищетъ рѣшенія представляющихся ему въ этомъ случаѣ загадокъ и идетъ ощупью въ темнотѣ, отказываясь отъ единственнаго свѣта который могъ бы въ этомъ случаѣ освѣтить ему путь, а именно—свѣта религіи.

Брамадата и Радованъ. Н. С. Лѣскова. (Приложенія къ *Нивѣ*. Январь, 1899).

При нынѣшнемъ оскудѣніи нашей белетристики бываетъ особенно отраднo когда что-нибудь нарушить это печальное однообразіе. Такимъ свѣтлымъ проблескомъ является напечатанное въ первой книжкѣ литературныхъ приложеній къ *Нивѣ* посмертное произведеніе Лѣскова представляющее собою обработку древней индійской легенды. При пересказѣ неизбежно утратится та чарующая форма въ которую облакалъ покойный писатель свои повѣствованія, но основная мысль здѣсь настолько глубока что представляетъ интересъ даже независимо отъ своей оболочки.

Въ давнее время въ Индіи были два смежныя царства. Однимъ изъ нихъ, Бенарскимъ, правилъ царь Брамадата, другимъ, Казальскимъ,—Радованъ. Брамадата былъ воинъ и постоянно воевалъ съ сосѣдями, а Радованъ любилъ миръ и въ царствѣ у него было всегда тихо. Но и у того и у другаго не все ладилось. Радовановы люди наскучили тишиною и завидовали воительской славѣ сосѣдей. А воины Брамадаты съ завистію смотрѣли на тѣхъ кому живется спокойно. Узнавъ объ этомъ Брамадата разгнѣвался, собралъ свое войско и завоевалъ царство Радована, а самого его приказалъ связать и водить на веревкѣ по улицамъ города. Чтобъ избавиться отъ этого униженія, Радованъ и жена его переодѣлись нищими и ушли въ лѣса и пустыни. Сильно разгнѣвался Брамадата узнавъ о побѣгѣ своего врага, разослалъ за нимъ всюду погоню и обѣщалъ большую награду тому кто приведетъ къ нему царя Радована съ царицею Рупти. Узнавъ объ этомъ царь Радованъ рѣшилъ что имъ всего лучше будетъ скрыться въ самомъ Бенаресѣ гдѣ никому на умъ не придетъ ихъ отыскивать. Такъ они и сдѣлали: пришли въ Бенаресъ и поселились между простыми работниками. Тутъ родился у царицы Рупти сынъ котораго она назвала Долгоживомъ. „Пусть онъ, говорила она, долго жить